

Гендерные характеристики персонажей в романе О. Хаксли «О дивный новый мир»

Марышкина Таисия Владимировна, магистрант;
Нестерик Элла Владимировна, кандидат филологических наук, доцент
Карагандинский государственный университет имени Е. А. Букетова (Казахстан)

Статья посвящена роли гендерного аспекта в создании образа литературного персонажа. На разных уровнях языка существуют различные ассоциации и импликации, основывающиеся на гендерном факторе. Гендерный аспект структурно значим для создания художественного образа. Автор художественного произведения ставит своей целью создать такую систему образов, которая бы оказала определенное воздействие на читателя. Он с большим вниманием подходит к таким составляющим, как гендер, возраст и социальные составляющие его персонажей. На примере романа О. Хаксли «О дивный новый мир» мы раскрываем механизмы создания гендерных характеристик персонажа в тексте и доказываем значимость роли гендерного аспекта в системе образов произведения.

Ключевые слова: гендер, гендерный аспект, литературный персонаж

Гендерный аспект произведения имеет значение не меньшее, чем историческая обстановка, речевые стили или набор стилистических приёмов подлинника. Игнорирование или пренебрежение гендерным аспектом при переводе может привести к возникновению ошибок, которые могут повлиять на художественную структуру произведения и систему образов. Под ошибкой следует понимать неверность в переводе, из-за которой будет утеряна смысловая общность исходного языка и языка перевода и разрушено художественное впечатление от оригинала.

После сравнения проявлений маскулинности и феминности в разных языках был выявлен тот факт, что данные категории проявляются с разной интенсивностью в зависимости от специфических черт национального языкового сознания.

Первоначально речь шла только лишь об андроцентризме и доказательстве его присутствия в языке и культуре. Язык не просто антропоцентричен, он отражает мужскую перспективу и ориентирован на человека мужского пола — то есть, андроцентричен. Во многих языках, например, в английском, немецком, французском языках для обозначения мужчины и человека существует одна и та же номинация: man, Mann, homme. Русскому языку присущ андроцентризм, однако он менее доминантен. Де-

ривационные возможности у слов «man» и «Mann» значительно шире, чем у русского слова «мужчина». Изучение лексикографических трудов показало, что слово «man» имеет значительно большее число связанных сочетаний, нежели русское слово мужчина: manlike (свойственный мужчине), manliness (мужественность), manhood (зрелость, мужественность) [1, с. 19].

К гендерно-маркированной лексике мы относим те лексические единицы, в значениях которых «гендерный» компонент выделен наиболее ярко. Гендерная маркированность языка проявляется через различные средства.

Личные местоимения конструируют гендер в языке как таковой. Они приносят его с собой самым естественным образом, в любом варианте разговора или речи. Не имея на себе гендерной маркировки в субъективной форме, они могут поддерживать понятие гендера, одновременно исполняя якобы другую функцию.

Ещё одним примером гендерно-маркированной лексики служат слова, соотносимые с мужчинами или женщинами в силу своей внутренней формы. Они подразумевают поло-ролевые, статусные и социальные отношения: father (отец), mother (мать), daughter (дочь), son (сын), bride (невеста), groom (жених), lady (леди), lord (лорд),

mister (господин), misses (госпожа), king (король), queen (королева).

Единицами языка, которые можно назвать гендерно-маркированными, являются слова и словосочетания, имеющие в своём составе единицы с «гендерным компонентом», указывающим на пол референта. В английском языке такие слова или словосочетания содержат компонент man, woman, boy, girl. Среди таких слов присутствуют единицы, которые за счёт внешней формы кажутся параллельными, но которые имеют в различной степени асимметричные значения: showman (шоумен, специалист по организации публичных зрелищ) — show girl (танцовщица, хористка).

Гендерно-маркированными могут быть и фразеологические единицы, как например те, что соотносимы с мужчиной или женщиной: *drunk as a lord* (пьяный как сапожник), *good Joe* (хороший парень), *wise as Solomon* (мудрец); *old wives' tales* (бабы сплетни, бабушкины сказки).

В данной статье особенности передачи гендерного аспекта в произведении будет рассмотрена в ходе анализа романа Олдоса Хаксли «О дивный новый мир».

Роман «О дивный новый мир» можно считать одним из самых завораживающих и зловещих литературных произведений из когда-либо написанных. Это может показаться преувеличением, однако работа О. Хаксли уже давно служит нам как ложный символ режима «всеобщего счастья». Мы говорим «режим», так как любое произведение, написанное в жанре антиутопии, подразумевает изображение вымышленного мира — или строя, — которого никогда не должно существовать. Антиутопический мир в произведении построен на логике, он сконструирован писателем, точно машина, и человек уже не является личностью, он является социальной единицей — частью машины. В случае с «Дивным новым миром» О. Хаксли псевдо-утопия будущего во многом похожа на промышленную машину — конвейер. Генетически измененные дети производятся на сборочных линиях, социально-экономический разрыв между имущими и неимущими имеет законную силу и обязателен для процветания общества, недовольство подавляется рекламой и гипнозом, а главными целями личности являются потребление, секс и развлечения. На место тоталитарной жестокости пришла подмена высоких ценностей на потребление и удовлетворение дешёвых, чаще всего незначительных желаний. Хаксли говорил о том, что общество придет к тирании, когда «раб любит свое рабство», в условиях стабильности и всеобщей деградации. Эта мысль неоднократно была представлена в самом произведении:

«Но целомудрие рождает страсть, рождает неврастению. А страсть с неврастенией порождают нестабильность. А нестабильность означает конец цивилизации. Прочная цивилизация немыслима без множества улаждающих пороков» [2, с. 540].

«Но индустриальная цивилизация возможна лишь тогда, когда люди не отрываются от своих желаний, а, на-

против, потворствуют им в самой высшей степени, какую только допускают гигиена и экономика. В самой высшей, иначе останутся машины» [3, с. 541].

Однако среди всех реалий, изобретённых и описанных О. Хаксли в ходе создания им его «утопии всеобщего счастья», наибольший интерес для нас представляет социальный строй произведения, так как гендер — это в первую очередь социальный конструкт, а именно гендерная составляющая романа является объектом нашего исследования.

Перед нами встаёт картина деторождения без половых контактов: используя донорскую сперму и яйцеклетки, потомство выращивают в специальных бутылках, которые, в свою очередь, подвергаются всевозможным воздействиям, нацеленным на наделение эмбрионов предрасположенностью к тем или иным природным условиям. Процентное соотношение мужских и женских особей полностью контролируется государством, так же, как и количество особей каждой касты. В зависимости от своего интеллектуального и физического развития люди в романе делятся на 5 каст. Три низшие касты (эпсилон, дельта и гамма) «производятся» партиями от шестидесяти до девяноста абсолютно одинаковых особей внутри каждой касты и не способны на логическое и абстрактное мышление, они наделены способностью выполнять лишь однообразные задания. Высшие касты (бета и альфа) имеют индивидуальный генетический код, обладают высоким уровнем интеллекта и выполняют умственную работу — однако, лишь в рамках своей специальности, не зная ничего за её пределами. Когда дети «рождаются» из бутылочек, методом гипноза им начинают внушать, что принадлежать к их касте — большая удача. Помимо этого всем детям внушают социальные нормы и личные предпочтения, диктуемые соображениями наибольшей выгоды капиталистического строя.

Автор расставляет акценты ещё в самом начале своего романа. Организованный для студентов тур в Инкубаторий даёт нам некоторое представление о социальном положении мужчин и женщин в произведении. В первую очередь, О. Хаксли сразу даёт понять, что все без исключения студенты, которым оказана честь посетить Инкубаторий, мужчины. При том, что, как и слово «student», большинство существительных в английском языке не подразумевают гендерных различий, указания на этот факт встречаются несколько раз. К примеру:

A troop of newly arrived students, very young, pink and callow, followed nervously, rather abjectly, at the Director's heels. Each of them carried a notebook, in which, whenever the great man spoke, *he* desperately scribbled [3, с. 1].

The *boys* scribbled like mad [3, с. 1].

Во главе группы стоит Директор инкубатория, и первое, что автор сообщает о нём читателю, это его высокий социальный статус и уважение, которым он пользуется. При этом особо подчёркивается, что экскурсия для студентов проводится лишь в общеобразовательных целях,

так как от каждого отдельно взятого члена общества не требуется знать больше, чем положено:

«Just to give you a general idea», he would explain to them. For of course some sort of general idea they must have, if they were to do their work intelligently—though as little of one, if they were to be good and happy members of society, as possible [3, с. 1].

В ходе экскурсии по Инкубаторию, среди специалистов, выполняющих свои обязанности, автор также выделяет исключительно мужчин. Например, мистер Фостер, владеющий всей статистикой предприятия, или механик бета-минус. В случае с процессом помещения оплодотворённой яйцеклетки в бутылку для дальнейшего развития, то он описан таким образом, что трудно понять, выполняют его люди или машины. Хотя в последующих главах упоминается обращение к персоналу Инкубатория как «Ladies and gentlemen», что даёт основания полагать, что в производстве людей принимают участие сотрудники обоих полов. Ещё одной характерной деталью можно считать то, что к большинству мужчин применяется обращение «мистер» или обращение в соответствии с их позицией, однако «леди» по отношению к персонажам фигурирует в тексте не более четырёх раз. В остальных случаях к ним обращаются либо по именам, либо просто «девушка».

Итак, первый персонаж женского пола появляется лишь к концу главы. Это Ленина Краун из бета-касты, медсестра, работающая на конвейере производства людей. Ей даётся лишь одна характеристика: большинству присутствующих она кажется на редкость привлекательной.

The girl turned with a start. One could see that, for all the lupus and the purple eyes, she was uncommonly pretty [3, с. 14].

В дальнейшем мы можем заметить, что из всех личностных качеств женских персонажей в романе в первую очередь имеют значение лишь их внешние данные. Исходя из того, что группа студентов состоит только из мужчин, можно предположить, что даже общее интеллектуальное развитие женщин должно укладываться в весьма узкие рамки.

В первой главе проявляется ещё одна деталь, указывающая на социальное неравенство полов. В ходе экскурсии по Залу предопределения Директор Инкубатория объясняет, что в целях контроля популяции и в связи с прогрессивными методами производства людей часть женщин стерилизуется ещё до «рождения». Другие же, по достижению определённого возраста, отдают свои репродуктивные органы для использования в Инкубатории. Также он объясняет, что женщины с ранних лет учатся принимать контрацептивы — более того, повсюду и открыто носят их с собой. Мужчины, в свою очередь, не несут никакой ответственности и не испытывают никаких неудобств в рамках контроля популяции.

Как известно, в структуре общества мужчинам и женщинам отводятся принципиально разные статусы. Они на-

столько различны, что могут быть рассмотрены в отрыве от их носителей и их анатомических свойств. Разделение на мужское и женское в социуме напрямую связано с фундаментальными основами общества и предопределяет его строение. Мужчина в гендерной стратегии имеет дело с двумя женскими формами — с социальной женщиной, принадлежащей к обществу, и с психической женщиной, «внутренней женщиной». Внутренняя и внешняя женщина делится в свою очередь на три генерационные составляющие: мать, жена и дочь. К каждой из этих женских ипостасей социальный мужчина относится по-разному. Мать почитается как главный персонаж первичной социализации, вводящий мужчину в жизнь, семью, общество. Мать — кормилица, воспитательница, отчасти просветительница, передающая базовый для общества культурный код. Второй социальной фигурой противоположного пола является жена или возлюбленная. Очевидно, что в этих отношениях мужчин и женщин развивается наиболее богатая оттенками гендерная жизнь. Любовь, брак, страсть, ревность, разлука — эти темы, связанные с отношениями между мужчиной и женщиной составляют гигантский пласт человеческой культуры и лежат в основе многих значимых социальных институтов. И наконец, дочь. К ней у мужчин может наличествовать двойная модель отношений — в некоторых культурах рождение дочери воспринимается как неудача, напасть, трагедия. С другой стороны, наличие дочери повышало социальные и экономические возможности мужчины — он мог повысить свой статус через полезный брак и, соответственно, выгодное свойство. С этой точки зрения, дочь могла восприниматься как повышение материального и социального «капитала» [4, с. 84].

Таким образом, женский гендер имеет множество значений, он столь разнообразен, что не поддаётся краткому описанию. Однако в романе О. Хаксли роль женщины в обществе сведена исключительно к отношению к ней как к объекту желания. Во второй и третьей главе своего произведения автор ясно даёт понять, что институт семьи в мире романа не только атрофировался, но и стал чём-то постыдным и даже отвратительным по своей природе. Директор говорит:

«In brief», the Director summed up, «the parents were the father and the mother». The smut that was really science fell with a crash into the boys' eye-avoiding silence. «Mother», he repeated loudly rubbing in the science; and, leaning back in his chair, «These», he said gravely, «are unpleasant facts; I know it. But then most historical facts are unpleasant» [3, с. 20].

Существование некогда родителей является «нелицеприятной правдой». Кроме того, мы видим, что студенты реагируют на слово «мать» как на режущее слух ругательство. То же самое происходит чуть позже:

«Try to realize what it was like to have a viviparous mother».

That smutty word again. But none of them dreamed, this time, of smiling.

«Try to imagine what ‘living with one’s family’ meant» [3, с. 28].

Сам факт живорождения представляется как нечто чрезвычайно пошлое. И если слово «отец» в обществе имеет репутацию скорее насмешки, то «мать» — самое скверное ругательство, а беременность и деторождение — самое ужасное, что может случиться с женщиной.

After the scene in the Fertilizing Room, all upper-caste London was wild to see this delicious creature who had fallen on his knees before the Director of Hatcheries and Conditioning <...> had flopped down and called him (the joke was almost too good to be true!) «my father». Linda, on the contrary, cut no ice; nobody had the smallest desire to see Linda. To say one was a mother—that was past a joke: it was an obscenity [3, с. 128].

Таким образом, женщины в произведении лишены таких социальных ролей как «мать», «дочь» или «сестра». Более того, роль «жены» в обществе романа «О дивный новый мир» тоже отсутствует. Институт брака считается пережитком прошлого, так как «каждый принадлежит всем остальным» — как и положено в обществе потребления. Частые и разнообразные половые связи не только приветствуются, но считаются примером хорошего тона. Когда Джон, родившийся на территории резервации и не знакомый с гипнотическими внушениями цивилизации, предлагает Ленине женитьбу, она не только не понимает, о чём речь, но и считает идею «вечного союза» совершенно ужасной:

«Listen, Lenina; in Malpais people get married».

«Get what?» The irritation had begun to creep back into her voice. What was he talking about now?

«For always. They make a promise to live together for always».

«What a horrible idea!» Lenina was genuinely shocked [3, с. 142].

Из всех значений, которые женщина могла бы иметь в социуме, остаётся только роль «любовницы», но и она довольно своеобразна в этом дивном новом мире. Объективация — это восприятие человека как товар или объект для какого-либо использования, без учёта его личности или способности испытывать чувства [6, с. 26]. Объективация женщины в романе доведена до того уровня, когда, несмотря на свободу выбора и кажущуюся независимость, женщина имеет значение лишь как сексуальный объект или звено капиталистической машины, а её личность, её мысли или предпочтения не рассматриваются как что-то важное. Ничто из этого окружающим не нужно. Данный факт становится очевиден в тот самый момент, когда О. Хаксли вводит в сюжет Ленину Краун. На предельно фамильярное обращение со стороны Директора Ленина реагирует польщённой улыбкой:

«Charming, charming,» murmured the Director and, giving her two or three little pats, received in exchange a rather deferential smile for himself [3, с. 14].

В беседе мужских персонажей отчётливо прослеживается потребительское отношение к девушке, отмечается только её привлекательность:

«Lenina Crowne?» said Henry Foster, echoing the Assistant Predestinator’s question as he zipped up his trousers. «Oh, she’s a splendid girl. Wonderfully pneumatic. I’m surprised you haven’t had her» [3, с. 36].

В ходе экскурсии Директор проводит своих подопечных по отделению, называемому «Младопитомник», где живёт и «программируется» подрастающее поколение людей. За детьми ухаживает персонал, состоящий целиком из женщин, однако их роль сводится исключительно к заботе о физических потребностях детей и о порядке в группе. Более того, Директор Инкубатория обращается к работающим там женщинам весьма надменно. Это особо заметно на фоне его покровительственного общения с мистером Фостером. Директор лишь отдаёт приказы, не выказывая минимума вежливости.

The nurses stiffened to attention as the D. H. C. came in. «Set out the books,» he said curtly. In silence the nurses obeyed his command.

«Now bring in the children».

«Put them down on the floor». The infants were unloaded [3, с. 16].

Ещё один чисто технический авторский приём даёт нам возможность наблюдать противопоставление мужчин и женщин в романе. Этот приём можно назвать «эффектом конференции»: в третьей главе книги О. Хаксли наслаивает друг на друга несколько сюжетных линий, причудливым узором переплетая реплики героев, при этом, не давая читателю потерять нить повествования. Сначала реплики разных героев подаются большими кусками, перемежаются с другими линиями, но автор постепенно укорачивает их и в итоге просто даёт поток слов, мыслей, которые относятся к разным персонажам в разных местах. К примеру, сцена с участием высокопоставленных лиц и студентов чередуются со сценой беседы Ленины и её подруги Фанни в женской раздевалке. В то время как мужчины обсуждают историю и общественный уклад, женщины болтают о своих партнёрах и нарядах.

Подводя итоги, мы видим, что О. Хаксли довольно чётко определяет гендерные стереотипы женского пола в своём романе: ограниченность, покорность, физическая привлекательность, беспечность, детская наивность. Это проявляется и в их поведении, и в их речи, и в их ходе мыслей.

Пока женщины занимают вторичное положение, не пользуются уважением и становятся значимы лишь в постели, мужчины в обществе романа стоят на ступень выше, однако и их гендерные признаки претерпели изменения — некоторую гиперболизацию.

В первую очередь читателю становится очевидно, что репутация, социальное положение и соответствие принятым нормам самым жёстким образом определяют отношение общества к мужчине и его собственное отношение к себе. Директор Инкубатория всецело ассоциируется с важностью этого места, он внушает студентам трепет, и они буквально записывают каждое его слово. «Straight

from the horse’s mouth» — тур для них становится ещё более значимым именно благодаря присутствию Директора, за которым они послушно идут след в след. Сам же Директор, относится к ним со снисхождением и, натолкнувшись на непонимание, позволяет себе даже крайнюю грубость:

«My good boy!» The Director wheeled sharply round on him. «Can’t you see? Can’t you see?» [3, с. 4].

«But why do you want to keep the embryo below par?» asked an ingenuous student.

«Ass!» said the Director, breaking a long silence [3, с. 10].

Мы видим, что его поведение кардинально меняется, когда он сталкивается с женщиной, значительно превосходящим его по статусу. По отношению к Главному управителю, Мустафе Монду, Директор становится так же поддобоострастен, как поддобоострастны были студенты к нему самому.

The D. H. C. had at that moment sat down on one of the steel and rubber benches conveniently scattered through the gardens; but at the sight of the stranger, he sprang to his feet and darted forward, his hand outstretched, smiling with all his teeth, effusive.

«Controller! What an unexpected pleasure! Boys, what are you thinking of? This is the Controller; this is his fordship, Mustapha Mond» [3, с. 26].

Несмотря на своё высокое положение, Директор Инкубатория полностью теряет всякое уважение окружающих, когда Джон-Дикарь при всех называет его своим отцом. Это оскорбление и тот факт, что Директор был настолько беспечен, что у него родился сын, лишили его всякого достоинства в глазах общественности, и он вынужден был уволиться и стать затворником, проводя всё своё время в наркотическом трансе. Это обстоятельство также указывает, что мужчины в романе «О дивный новый мир» совершенно не способны преодолевать трудности.

Важность положения в иерархии так же отражает ситуация с персонажем Бернардом Марксом. По неким причинам Бернард, сформированный и воспитанный как альфа, совершенно не отвечает требованиям этой касты. Большинство мужчин бета и альфа квадр описываются следующим образом: «tall and rather thin but upright», «a deep resonant voice», «features strongly marked», «powerfully built man», «deep-chested», «broad-shouldered», «massive», «springy and agile», «a man of middle height», «full red lips», «eyes very piercing and dark», «firm and sunburnt flesh». По большей части, мужчины должны быть высокими, хорошо сложенными и приятной наружности. Кроме того, маленький рост является признаком недоразвитости:

...smallness was so horribly and typically low-caste [3, с. 48].

Бернард же физически походит именно на мужчин низших каст, и это одна из причин, почему он не пользуется успехом у женщин. Фани отзывается о нём весьма однозначно:

«He’s so ugly!» said Fanny. <...> «And then so small» [3, с. 39].

Члены высших каст — бета и альфа — относятся с видимым презрением к членам трёх низших каст, несмотря на то, что терпение к ним заложено у высших каст ещё в детстве при помощи гипноза. Именно из-за внешних данных Бернарда — щуплости, невзрачности — большая часть окружающих предпочитает его игнорировать. Такая изоляция привела к развитию у Бернарда индивидуальности, абсолютно не вписывающейся в принятый уклад: он не любит спорт, он довольно скромен, он предпочитает быть один, а не в компании. По большей части именно эти черты характера и привели к тому, что репутация Бернарда стала довольно скверной. Большинство мужчин альфа-касты предпочитают либо игнорировать его, либо издеваться над ним:

In the lift, on their way up to the changing rooms, Henry Foster and the Assistant Director of Predestination rather pointedly turned their backs on Bernard Marx from the Psychology Bureau: averted themselves from that unsavoury reputation [3, с. 26].

«He does look glum», said the Assistant Predestinator, pointing at Bernard Marx. «Let’s bait him» [3, с. 46].

Чем выше положение отдельных лиц, тем больше презрения они выказывают:

The men were furious at having been tricked into behaving politely to this insignificant fellow with the unsavoury reputation and the heretical opinions. The higher their position in the hierarchy, the deeper their resentment [3, с. 146].

They duly ate, but ignored him; drank and were either rude to his face or talked to one another about him, loudly and offensively, as though he had not been there [3, с. 148].

Друг Бернарда Гельмгольц Уотсон тоже сталкивается с проблемой отчуждённости, но не из-за своей внешности, которая более чем соответствует стандартам, а из-за своего таланта и более развитых, чем у остальных, умственных способностей, которые проявляются в некоторых странностях. Его, однако, в обществе уважают, если не брать во внимание наиболее высокопоставленных его членов, которые подозревают, что Гельмгольц может принести неприятности. Всё, что укладывается в нравственные нормы общества, весьма похвально, то же, что им противоречит, делает из человека отщепенца.

Таким образом, в романе «О дивный новый мир» мужскому гендеру приписываются следующие стереотипы: властность, хорошее физическое и интеллектуальное развитие, зависимость от иерархии, пренебрежение к нижестоящим, преклонение перед авторитетом.

Проанализировав общую картину мира в романе и основываясь на вышеописанных гендерных признаках, прослеживающийся из главы в главу, мы можем сделать вывод, что проявление гендерных характеристик в романе «О дивный новый мир» является важной художественной особенностью произведения, так как позволяет в полной мере представить картину утопического мира, создан-

ного О. Хаксли. Автор стремился показать, что научный прогресс и универсальные методы воспитания приведут, в конце концов, к тому, что мир будут населять обездущенные, лишённые полёта мысли и свободного творче-

ства люди, полностью зависимые от стереотипов, присущих их социальным и гендерным ролям. Гендерные особенности романа проявляются в языке и составляют важный элемент художественной структуры оригинала.

Литература:

1. Кирилина, А. В. Проблемы тендерного подхода в изучении межкультурной коммуникации [Текст] / А. В. Кирилина // Гендер как интрига познания. Тендерные исследования в лингвистике, литературоведении и теории коммуникации. — М.: Рудомино, 2002. — С. 17–25.
2. Хаксли, О. О дивный новый мир. пер. с англ. О. Сороки, В. Бабкова. Примеч. Т. Шишкиной, В. Бабкова. — СПб.: Амфора, 1999. — 541 с.
3. Aldous Huxley. *Brave New World*. — Harper Perennial; Reprint edition, 2006. — 288 p.
4. Дугин, А. Г. Социология воображения. Введение в структурную социологию. — М.: Академический Проект; Трикста, 2010. — 564 с.
5. Bartky, Sandra Lee. *Femininity and Domination: Studies in the Phenomenology of Oppression*. — Routledge, 1990. — 26 p.
6. Бархударов, Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). — М., «Междунар. отношения», 1975. — 240 с.